

Мадемуазель Жаннет. Рассказ

I

В одном из красивейших и с тем вместе опаснейших уголков Кавказа находилась, лет пятнадцать назад, станица, в которой, кроме населяющих ее линейных казаков, были постоянно расположены несколько рот пехоты с двумя или четырьмя легкими орудиями. Около двух сот белых мазанок, составлявших станицу, выравнились с такой точностью, что каждая из их линий представляла полное удобство для защиты, на случай, если бы хищники, наполнявшие всю окрестность, прорвались даже за тын, с пушками по углам, обходивший вокруг всего селения. В центре станицы стояла красивая церковь из желтого известняка, тоже обнесенная оградой, с длинными, но узкими бойницами перед церковью лежала порядочная площадь, на которой собирались все войска, в случае тревоги, происходившей довольно часто. Самые садики и купы пирамидальных тополей между домами, сообщавшие всему поселению вид истинно восточный, на всех пунктах могли служить удобным прикрытием, сверх того доставляя тень и зелень, так необходимые жителям, не имевшим возможности показывать нос в поле, даже исправлять своих полевых работ без пособия особых отрядов, расставлявших на этот случай пикеты по соседнему лесу и неусыпно наблюдавших за безопасностью работников.

А между тем, поля, леса и горы, окружавшие станицу, в целом составляли нечто восхитительное и способное ввести в искушение самого робкого, ленивого из туристов. Снеговая цепь гор была ясно видна во всякое время дня, по утрам она казалась так близка, что дойти до нее, по-видимому, требовалось не более двух часов времени - ниже снеговой гряды высились черные горы, свежий столетний лес охватывал с двух сторон широкую поляну, на которой стояла станица, прорезанная посередине неглубокой, но широкой и вечно шумящей, вечно бурлящей речкой. Все место перед домами было расчищено на расстояние нескольких пушечных выстрелов, и хотя с ближайших холмов жадный враг мог видеть все селение будто на географической карте, но подойти к нему невзначай было делом совершенно невозможным. На всех курганах стояли вышки, у всех сходов бродили казаки, обвешанные оружием, в своих косматых шапках и толстых черкесках, по-видимому вовсе ненужных в таком теплом крае.

В описанную нами станицу, незадолго до начала представляемой читателю истории, прибыл из долговременного отпуска штаб-офицер начальствовавший расположенным в ней отрядом, некто Ипполит Петрович Мальшевский. Он ездил в Россию для того, чтобы там жениться, и действительно привез с собой очень милую, стройненькую женщину, лет восемнадцати, одетую по последней петербургской моде и обладающую очень томными глазами и длинными, густыми, темными волосами, составлявшими и гордость и ежеминутное занятие юной особы. Во время пути Наталья Сергеевна, так звали новобрачную, разумеется, кричала и пугалась при каждом крутом спуске, при каждой встрече с казаком или мирным горцем, что не мешало ей дорогою вспоминать пассажи из Амалат-Бека, приветствовать горы чтением какого-то стихотворения из альманахов того времени, и видеть впереди целый ряд самых романтических приключений, богатую тему для писем к приятельницам.

Ипполит Петрович, как и следовало ожидать, не вполне сочувствовал поэтическим порывам своей юной подруги; - он любил Кавказ как край, где можно было отличиться в бою и жить привольно с ограниченными средствами. Впрочем он был человек еще нестарый, добрый и веселый, смуглый и сильный, выдавший на своем веку много разных видов, и совершенно способный занимать сердце молодой избалованной женщины до ее встречи с каким-нибудь бледным витязем, более способным отличиться на минеральных водах, нежели перед кучками неприятелей. Если б Мальшевский не любил иногда толковать жене, и толковать очень пространно, о своих лошадях и о хозяйстве вообще, Наталья Сергеевна не могла бы, даже при всем желании, приискать в своем супруге ни одного сколько-нибудь резкого недостатка.

Прибытие молодой и хорошенькой штаб-офицерши приветствовано было обедами у всех семейных офицеров, фейерверком, устроенным артиллеристами, и даже поездками к лесу, в вечернюю пору, кавалькадами, которым присутствие вооруженного конвоя придавало много особенной прелести. Ипполит Петрович отплатил своим приятелям, задавши им роскошный пир; к сожалению, все хлопоты по устройству фестиваля пали исключительно на его долю. Наталья Сергеевна, с своей стороны, могла оказать только полное неведение в деле домашнего хозяйства, неведение, соединенное даже с некоторым пренебрежением. Она только удостоила принарядиться с особым тщанием и разложить в гостиной альбомы с картинками, для увеселения дам и кавалеров. Мальшевский, человек практический, но ленивый на споры и неопытный в сношениях с женщинами, только тяжело вздохнул, когда ушли гости, однако решился выждать последствий и не мучить жены сухими наставлениями.

Скоро Наталья Сергеевна начала скучать; привезенные романы все были прочитаны, все приятельницы оказались принадлежащими к разряду добрых, но простых женщин, к тому же их оказалось всего две; станица, сперва показавшаяся ей чем-то вроде загородной азиатской виллы, прискучила совсем, тем более, что начались жары и днем доктор запрещал выходить из дома. Она сообщила мужу, что желала бы встречать, стоя на горе, в тени векового леса, иногда восход, иногда закат солнца; на это Ипполит Петрович отвечал, засмеявшись, что такое невинное наслаждение может кончиться встречей с ворами и во всяком случае требует присутствия целого конвоя для охранения любительницы красоты природы. Потом молодая женщина сказала, что мысль о путешествиях была всегда ее любимой мыслью, и что вследствие того ей хотелось бы осмотреть Кавказ, Грузию, Мингрелию и Имеретию; на это Мальшевский ответил, что стеснять ее желания не хочет, но имея свою службу ни в коем случае не может ей сопутствовать.

Холодный мужчина, вечно занятый своими стрельцами, своими лошадьми, Огородами и даже, о ужас, коровами и баранами, утратил многое в глазах Натальи Сергеевны, и даже так многое, что молодая штаб-офицерша стала находить некоторую отраду в посещении двух знакомых Ипполита Петровича, из которых один имел только тот недостаток, что оказывался отчаянным лгуном, а другой, с виду походивший на свежую и милостивую девушку, имел репутацию самого плачевного труса. Но давно известно, что женщина праздная способна привязываться к людям с великими недостатками, именно потому, что недостатки эти, некоторое время уравновешивая влияние хороших сторон, противодействуя привязанности, доставляют работу ленивому уму и сердцу, работу, обыкновенно кончающуюся сумасбродной страстью. Неизвестно, какая плачевная судьбина постигла бы благородного, доброго Ипполита Петровича, если бы неожиданный, но весьма обыкновенный случай не вывел Натальи Сергеевны из пучины вредного бездействия, дав всей ее натуре благотворный толчок, кончившийся решительной реформой в ее взгляде на вещи.

В одно осеннее утро, когда разъезды садились на коней, чтоб по обыкновению удостовериться, не видно ли на свежей росе поляны какого-нибудь подозрительного следа, раздался к стороне леса сперва один ружейный выстрел, потом другой и третий, за ними последовал гул от вестового орудия и непосредственно за ними страшный вой ребятишек и особенно старых баб, будто каким-то врожденным бабьим чутьем проведавших об опасности. Улица наполнилась лошадьми и казаками; каждый из последних бежал сломя голову, на бегу пристегивая кинжал или забрасывая винтовку за плечи: барабаны трещали; <тревога! тревога!> кричал каждый воин, хотя каждый воин и без того слишком хорошо знал, что все знают о тревоге. Ипполит Петрович уже сидел на коне и прощался с женою. <Если тебе страшно, Наташа>, сказал он: <так проберись в церковь, а лучше бы побыть тебе около больных: кажется, потасовка будет добрая>. Вслед за тем он приподнял супругу, поцеловал ее, и ускакал к тыну, без всяких чувствительных излияний.

Должно быть молодая штаб-офицерша немного сробела перед опасностью, потому что решительно не могла припомнить, что с ней делалось в первые минуты, посреди пальбы и беготни, только сердце ее будто выпрыгивало каждый раз, когда раздражающее уши гиканье исходило из многочисленных кучек, то и дело выбиравшихся из леса и запрудивших уже часть ложины впереди и с боку станицы. Когда Наталья Сергеевна опомнилась, она увидела себя в церкви, куда уже, по распоряжению ее мужа, собраны были все женщины, известные слабостью натуры и способные своим ревом навести тоску на самую бесстрашную душу. Многие из казачек очень хорошо понимали, что нападение будет отбито, мужья и дети некоторых даже не подвергались опасности, находясь где-нибудь за сто верст, в чужом отряде, а между тем - такова натура женственных существ - они-то и плакали пуще всех, до того, что привели в себя бедную супругу Мальшевского. Будто устыдясь подражать им, Наталья Сергеевна принялась молиться и молитва ее, прерываемая шумом недалекого боя, несколько успокоила сердце молодой женщины. Когда она поднялась на ноги, к ней подошла жена одного из есаулов, старая и простая малороссиянка, спокойная как будто в самый простой день. Она уже раз двадцать видала подобные нападения, и потому сочла долгом развлечь свою начальницу, предложив взобраться на колокольню вместе с собою.

Наташа пошла, отчасти сама не зная, куда и зачем, отчасти увлекаемая тем любопытством, которое, по словам старых служивых, неотразимо захватывает душу всякого, кто первый раз показывает свой нос в сражение. Молодая россиянка столько раз читала о войне и битвах, что зрелище битвы, по ее мнению, несмотря на весь свой ужас, не было лишено некоторой и сильной заманчивости. Сверх того, Наталья Сергеевна с самого начала тревоги не видела нигде ни одного убитого, ни одного раненного, тогда как, по ее мнению каждое дело должно было ознаменоваться чем-то вроде водопада из крови. Думая об этом и глядя на бесстрастное лицо своей проводницы, она готова была вообразить, что все нападение шутка, устроенная для некоторого разнообразия ее прозаической жизни.

Зрелище, открывшееся ей с колокольни, уже занятой несколькими женщинами и милостивым знакомым Ипполита Петровича, могло назваться увлекательным, несмотря на весь его ужас. Левая сторона ложины, освещенная блистательным утренним солнцем, была совершенно чиста от неприятеля, только отдельные всадники гарцевали там и сям, перестраиваясь и осыпая друг друга, подобно Гомеровым героям, самыми бранными словами. Зато поле к стороне леса, прямо и справа было сценой горячей перестрелки, - убитые лежали по траве и на берегу речки и подстреленные лошади коверкались в последних судорогах, или бегали бешено, без седоков. Вся часть тына к речке тонула в дыму, и будто кидала от себя коротенькие огненные лучи, сквозь которые изредка выпрыгивал, красноватый дымный столб, а за ним тут же следовал грохот орудия. Русская пехота и конница уже теснили горцев с боку: даже неопытный глаз мог сказать, на чьей стороне останется победа. По улицам станицы носили раненых и молодые женщины с плачем брели за грустною ношею.

Прошло еще несколько минут, и оборванные толпы неприятеля, в последний раз понапрасну бросившись на пушки, кинулись бежать к лесу, преследуемые казаками, совершенно похожими на них с виду и по наряду, но только гораздо менее оборванными. Когда главная куча татар поравнялась с линией исходящего угла станицы, крайняя пушка выпалила, и длинный ряд бегущих всадников посыпался на траву, остальные пустились бежать с новой ревностью.

- Вон, сказала есаулыш, - указывая на Малыпевского, отдававшего приказания впереди пехоты: - вон тут и муженек ваш, сударыня! А теперь пойдёмте вниз, смотреть уже нечего.

Легко представить себе, что вышеизображенная битва способна была заставить задуматься самую тупую и испорченную женщину, а так как натура Натальи Сергеевны была очень юна и понятлива, то события страшного утра с быстротой навели ее на целый ряд новых, важных мыслей. Бесплодные пансионские понятия рассеялись как тучи после бури: молодая особа поняла, что не для одной забавы и бездействия судьба отдала ее руку любимому человеку, каждый день рискующему получить пулю в бок для ее защиты. Деятельность, окружавшая ее со всех сторон, была так чужда тому, что до сих пор представлялось ее воображению, что поневоле приходилось или изменить свою жизнь с ее потребностями, или навеки остаться существом бесполезным, даже стеснительным для мужа. Наталья Сергеевна поняла, что бессовестно с ее стороны, не только не играть никакой роли во всем вокруг ее совершавшемся, но даже

отравлять существование человека ей преданного, оставляя на его долю все трудное в жизни. Домашняя затворническая жизнь перестала казаться жалкою, хозяйство начало ее интересовать с тех пор, как она поняла, что взяв на свою долю половину мелких забот Ипполита Петровича, она делит весь его труд, и из праздного бремени становится его верной помощницей. Воротясь к ночи, после утомительного преследования хищников, Малыпевский с радостью нашел свою супругу занятую беганьем и неистощимыми хлопотами: в его доме помещалось двое раненых, ужин явился сам собою, и вдобавок Наталья Сергеевна отдала приказанье, чтоб верховых лошадей выводили, прежде чем вести их к водопою.

С этого дня взаимные отношения Малыпевских утратили всякий романтический интерес, - история счастливых супругов, как история счастливых народов, вся рассказывается в двух словах. Малыпевские жили душа в душу, и сверх того дом их служил светлою точкой, о которой мечтал всякий холостяк, из Натальи Сергеевны вышла одна из тех редких жен, которые заменяют собой всякое приданое. Все скромные воздушные замки Ипполита Петровича осуществились по ее милости: его мысль избавлена была от всех ненавистных мелочей, и добрый воин мог часа два-три в день предаваться лени, так благотворной и дорогой для жителя южного края. Мало того, не имея почти ничего за душою, он мог привести в исполнение самый дорогой план, о котором только когда-нибудь мечтала его гостеприимная душа: все офицеры у него постоянно обедали, а дом его был открыт гостям издалека, новоприезжим лицам, когда-либо пробиравшимся в живописную станицу. Драгоценная деятельность Натальи Сергеевны не могла не утешать ее самое: во-первых, она ценилась как следует, во-вторых, ее результаты были видимы и осязаемы как нельзя более. Ко всему этому присоединялась маленькая слава истинно кавказской дамы, утешительницы всех огорченных и скучающих, редкого примера каждой приезжающей на Кавказ женщине. Проживай Малыпевские где-нибудь в столице, - нежность Натальи Сергеевны к мужу, ее неутомимая хозяйственная деятельность, при всем их благородстве, казались бы не лишними иной комической черты, но, в крае величавом, угрюмом и воинственном, посреди опасностей и тревог, им не было цены; малейшая шутка по их поводу представила б из себя нечто презренное и преступное.

Лет шесть прожили супруги в станице, изредка покидая ее для поездок к водам или в Грузию. Жили они душа в душу, как брат с дорогой сестрой, и если б у Натальи Сергеевны были дети, она не променяла бы своей участи на жизнь королевы Виктории. Несмотря, однако, на двукратное путешествие к Кисловодску, детей все-таки не было, и штаб-офицерша не раз убеждала мужа принять к себе в дом хоть какую-нибудь замарашку. Но Ипполит Петрович любил детей только красивых и хорошо выдержанных.

II

В апреле 184* года Малыпевскому велено было присоединиться с двумя ротами к отряду, явившемуся под его станицу, с тем, чтобы наконец истребить соседний аул, больше всего делавший вреда жителям станицы. После короткой защиты, притон воров был взят; казаки, обрадованные Тем, что добрался до своих давнишних недругов, собрались не давать пощады. Пробираясь между домами и веде останавливая

порывы своих подчиненных, Мальшевский увидел, что кто-то прицелился в него с кровли соседней сакли, и в ту же минуту пуля оцарапала ему плечо. Бросившись вверх, супруг Натальи Сергеевны с изумлением приметил, что враги, нежелавшие покориться - были мальчик лет двенадцати, с горячей еще винтовкой в руках и черноглазая девочка лет десяти, заряжавшая другую винтовку. Юный татарин убежал, прыгая с кровли на кровлю, девочку схватили; длинная рубашка ее была в крови, однако раны никакой на дитяти не было. Мальшевский приказал отнести живую добычу в фургон, и через несколько дней представил ее своей супруге. Наталья Сергеевна была в восторге от подарка. Лицо девочки могло назваться приятным, хотя от горя и с дороги ребенок исхудал до того, что его глаза казались гораздо больше ротика. Малая азиатка, говорил Ипполит Петрович, подавала большие надежды: потому что, кроме заряжания винтовки при их встрече, она, перед тем, по словам солдат, бросала камни в наших егерей, между тем как ее отец и брат, мальчишка, убежавший по кровлям, стоя около нее, стреляли вдоль дороги, на выбор.

Когда Наталья Сергеевна спросила дитя, как ее зовут, та ответила: Джаннет (что значит рай и совершенно похоже на французское Жаннет), несколько не робея, но быстро передвинувшись к окну, словно собираясь оттуда выпрыгнуть при первой неприятной нечаянности. Чай, поданный ей, она начала пить только тогда, когда Ипполит Петрович прихлебнул из своей чашки, потом она подняла с пола зачем-то положенный туда большой гвоздь и с чрезвычайным лукавством, представляя будто им играет, спрятала его в карман черкески (так как рубашонка девочки была вся в лохмотьях, то Ипполит Петрович окутал ее, будто шинелью, своей собственной верхней одеждой). Гвоздь этот заинтриговал Малышевскую, но муж дал ей заметить, чтоб она на первое время занималась как можно меньше его миниатюрной добычей. - Только через несколько месяцев девица Жаннет призналась, что гвоздь точно был ею похищен, на тот случай, если б урус-джигит вздумал продать ее в жены другому русскому. Но кого именно должен был поразить гвоздь - будущего властелина, или самую Жаннет, пленница объяснить не желала. Полюбовавшись еще несколько времени живым, белым личиком азиатки, и ее нечесанными волосами, падавшими до колен, Наталья Сергеевна уложила девочку спать в своей комнате.

Наутро молодая хозяйка предалась грусти и плачевным помышлениям, - ребенок худо спал, метался во сне, плакал и встал с постели еще блее, еще бледнее, чеги вчера вечером.

- Вели какому-нибудь татарину отвести ее в горы, - сказала она скрепя сердце, потому что уже начала привязываться к Джаннет.

- Чтобы ее продали, - теперь или в последствии? - спросил Ипполит Петрович.

- Она умереть от тоски по своим может, - заметила жена.

- Э, я вижу в чем дело, смеясь возразил Малышевский, приласкав дикарку: - ты ее уложила спать на тощий желудок. Велика нам сварить кашу, и я тебе ручаюсь, что к вечеру наша Джаннет отпляшет лезгинку.

Ипполит Петрович хорошо знал сердце человеческое, или по крайней мере сердце азиатское. Горько оттого и зол, что всегда голоден, - нет веселости оригинальнее, как сановитая веселость человека восточного, когда он сыт, доволен и одет богато. Джаннет наскоро сшили кофточку, расчесали волосы, дали каши и баранины, принудили ее выпить полрюмки вина, и девочка к вечеру даже пополнила, зарумянилась, спела две нелепейших песни и потанцевала не без усердия. Все гости Малышевских и сами они приведены были в восторг милыми шалостями дитяти; к ночи счастливая Жаннет отнесла в кармане черкески (служившей ей, как видно, складочным местом) множество мелких вещей, ягод и фруктов, отчасти ей подаренных, отчасти украденных так ловко, что никто из присутствующих того не заметил.

С этого дня жизнь Натальи Сергеевны совершенно округлилась, если позволено будет так выразиться, она не знала ни минуты скуки, потому что душой привязалась к своему приемышу и заботы о Жаннет сделались ее любимыми заботами. Девочка однако, была к ней довольно холодна, да и вообще на всех женщин и детей женского пола смотрела с весьма заметным презрением; мужчин и лошадей она уважала гораздо более, потому что первых слушалась, а вторых любила. Капризничала Жаннет очень редко, но когда находили на нее минуты упорства, всякая угроза, всякое увещание оставались бесполезными, сам полковник, муж г-жи Мальшевской, на это время терял весь свой авторитет. А между тем привязанность дикарки к своему спасителю могла назваться привязанностью слепою, рабскою. Несколько раз, пока еще Жаннет была мала, Ипполит Петрович, шутя, приказывал ей резать того или другого из гостей; - при таких словах малютка выказывала некоторое удивление, но ее глаза разгорались, стоило только повторить повеление и дать ей что-нибудь в руки, для того, чтобы произошло какое-нибудь бедствие. Когда Малышевский куда-нибудь отлучался, Жаннет тосковала и никого не слушалась, если полковник сердился на какого-нибудь плута татарина, его верная воспитанница тоже изъясляла признаки гнева, забывая, что татарин, может быть, проживал в одном селении с ее родными. Вообще, восторг и привязанность женщин к воинам племени, враждебного их народу, и геройски сражающегося с их мужьями и братьями - привязанность, заметная в эпизодах каждой войны и дающая великую пищу романистам и рассказчикам, принадлежит к числу явлений странных, но утешительных. Может быть, подобное чувство показывает, в женщинах совершенное отсутствие политических добродетелей, но сколько раз их привязанность к чужеземцам, смягчая нравы и извлекая симпатию из дикой борьбы, или сокращали войны, или незаметно подготавливали дружбу между нациями. Может быть, без подобного рода логики, ни одна война не кончилась бы иначе, как истреблением той или другой стороны. Может быть, много непрлитой крови спасено влиянием девушек, непризнающих ни военного права, ни международного ненависти.

Как бы то ни было, привязанность маленькой Жаннет к Ипполиту Петровичу могла назваться обожанием. Приученная в ауле к самым трудным унизительным работам, и даже находя в них наслаждение, подобное тому, какое европейские девочки находят в хозяйстве своих кукол, юная татарка выказывала преданность повелителю целым рядом самых забавных выходок: то она уходила в конюшню и вымалывала у кучера позволение вычистить верховую лошадь, то, дождаввшись, когда Малышевский приходил с охоты, утаскивала его ружье, бежала к речке, отвинчивала стволы и с большим искусством промывала их, не думая о том, что совершенно портила свое платье во время операции. Один раз супруги, сидя у окна с удивлением приметили большую кучу сена, которая будто сама без посторонней помощи подвигалась по направлению к конюшне. Догадавшись в чем дело, Малышевский выбежал на крыльцо и приметил Жаннет, совершенно зарытую влекомой ею вязанкою по огромности своей годной разве для взрослого мужчины. Дело в том, что накануне полковник жаловался на скудость трав и журил своего конюха за беспечность к запасам. Мадмазель Жаннет, слыша это, решила пособить горю и украла сено у соседа.

Анекдот с украденным сеном служил только началом тысячи историй в подобном роде, начавших даже приводить в отчаяние кроткую Наталью Сергеевну. Действительно, Жаннет, как ее ни учили, ни вразумляли, ни окружали всем довольством и самыми здоровыми примерами, имела о собственности самое татарское понятие, и не только в воровстве выказывала гениальность своего рода, но даже считала этот грех достоинством высоким и рыцарским. В своем кисейном платье и с розаном в волосах, наряженная и разукрашенная как дочь самой аристократической барыни, девица Жаннет, чуть покончив свои уроки (грамота, особенно языки, давались ей с тяжкими усилиями), исчезала из дома, и после долгих хлопот ее отыскивали где-нибудь на конце станицы, окруженную партией оборванных казаченков, с которыми она производила нашествие на соседние сады и огороды. Много денег переплатил Ипполит Петрович обиженным казакам, много раз запирал он свою воспитанницу, в виде наказания, в самую темную из комнат, - но напрасны были все его труды и все увещевания; гонения только придавали новый драматический

интерес предприятиям неугомонной черкешенки. Наконец, он даже перестал сердиться - новый чрезвычайно оригинальный случай показал ему, что иногда против врожденных инстинктов бесполезен всякий гнев и всякая строгая мера.

На второй год своего пребывания у Мальшевских, одиннадцатилетняя Жаннет, приметив несколько раз, что трудолюбивая и заботливая полковница пользуется всякой минутой разлуки с мужем, чтоб от него тайком приготовить какую-нибудь женскую работу, которая потом дарилась Ипполиту Петровичу при всяком предлоге для домашнего сюрприза,- усмотрев вместе с тем, что Мальшевский, ценя внимание любимой женщины, принимал каждую вещь с громким, может быть нарочно представляемым выражением полного удовольствия, а потом всем показывал сюрприз и гордился им как самый добрый отец семейства,- вознамерилась и сама порадовать своего благодетеля. Она принялась было за ненавистное вязанье и вышиванье бисером, но работа не клеилась: едва начатый труд, после долгих, но напрасных усилий, кидался на пол, топтался ногами и разрывался в клочки, с криками и слезами самого южного гнева. Наталья Сергеевна, соболезнуя страданиям Жаннеты и одобряя ее доброе намерение, вспомнила, что горянки умеют шить мужское платье и украшать его позументами; сверх того сама девочка, дня за три назад, на шустрый вопрос одного из офицеров, зачем Бог сделал женщину? - отвечала: <для того, чтобы шить мужу бешмет, и ходить за лошадей>. Основываясь на таком похвальном понимании обязанности истинной женщины, полковница предложила Жаннет сшить Ипполиту Петровичу бешмет, украшенный галунами, и тут же принесла ей канаусу и серебряные позументы. Татарке очень понравилась эта мысль, но материю и галуны она оттолкнула, сказав, что сама все достанет.

Прошло недели две, и Наталья Сергеевна совсем забыла о намерении девочки, которой подвижная натура была ей очень хорошо известна, как вдруг, в одну ночь, Жаннет попросила в свою комнату свечу, и разложив на полу неизвестно где добытую материю и галуны, принялась шить и стегать с рвением художника над своей первой картиной. Ночь проведена была без сна. Наталья Сергеевна, считая указания делом напрасным, и полагая, что нужные для работы материалы подарены девочке которым-нибудь из ее друзей, мирных горцев, часто посещавших станицу, оставила дело без внимания, и тем более, что муж находился в отлучке, и мысли ее, вследствие того, были далеко от Жаннет с ее рукоделием. К приезду полковника бешмет был кончен и ему представлен; работа оказалась прочной и достойной похвалы, только наивная дикарка, помня, что ее собственные платья всегда шились длинными (так как она росла со всяким месяцем) сделала бешмет Ипполита Петровича гораздо длиннее и шире, чем взятый ею образчик. Посмеявшись такой предусмотрительности своей дикарки и нежно поцеловав ее в знак благодарности, полковник изъявил желание узнать, откуда Жаннет добыла позумент, подкладку и проч. Плутовка сказала, что купила их в лавке; но оставалось узнать, откуда она достала денег. Каково же было удивление доброго штаб-офицера, когда приготовительница сюрприза, после многих расспросов, созналась, что украла деньги у Натальи Сергеевны, между тем как Наталья Сергеевна решительно не могла припомнить никакой денежной поправки и готова была поручиться за целостность всех супружеских капиталов. Воровство произведено было так, что даже зная о нем, хозяйка и опытная хозяйка, не догадывалась о его существовании. Наконец Жаннет, которой обещали приличную награду за раскрытие тайны, рассказала все дело. Всякий раз, когда Наталья Сергеевна выдавала деньги на расходы, или получала какую-нибудь сумму, татарка прикрывала одну из самых мелких монет или книгой, или платком, или бумажкой; если хозяйка, приметив недочет, начинала искать около себя, монета, будто нечаянно завалившаяся, выходила на свет; но чуть полковница или ошибалась в счете, или, ленясь снова пересчитывать деньги, уходила прочь, маленькая татарка бросалась к столу и овладевала добычей. С изумлением услышав все эти подробности, Ипполит Петрович только покачал головою, и решился деятельнее наблюдать за воспитанием девочки.

Благодаря совокупным усилиям супругов, а может быть, еще более благодаря влиянию европейского быта и русских понятий, Жаннет, достигнув четырнадцати лет, исцелилась от большей части своих предсудительных наклонностей. Но тут явилась новая беда: за несколькими годами спокойствия, едва прерываемого небольшими, более оригинальными, чем вредными шалостями, грозил наступить период страстей, и страстей не северных. Мадмоазель Жаннет в четырнадцать лет оказалась свиду похожею на самую развитую русскую девушку лет шестнадцати; она была удивительно бела и стройна, при высоком росте пропорциональность и гибкость ее тела кидалась в глаза даже людям, никогда не помышлявшим о том, что иногда природа, не давши человеку ничего, кроме соразмерности членов, одним этим делает из него чудо красоты и изящества. Кроме необыкновенно стройного сложения, Жаннет была хороша лицом: контраст ее черных, как смоль, волос, черных, как агат, глаз, с белизной всей кожи, приводил в изумление. Маленький ротик, с губами полными и пунцовыми, достался ей по крови, милая округлость щек - красота восточной девушки - имела в себе тоже нечто чужестранное, оригинальное, не наше. Руки и ноги Жаннет оказывались несколько великими, но форма их, конечно, стоила формы бледных, тощих, европейских рук, искомканных ножек северной красавицы. Одним словом, на Жаннет заглядывались даже старые егеря и артиллеристы, народ гораздо более хладнокровный к женщинам, чем казаки и милиционеры. Все офицеры станицы были в нее влюблены, и Мальшевские радовались красоте своей воспитанницы, как удостоверением ее будущей участи, если не блестящей, то, по крайней мере, свободной от нищеты и физического труда.

Первое пробуждение нежных инстинктов в молодой дикарке, ныне уже нарядной, скромной и благовоспитанной девице Жаннет, сроднилось с первым громовым ударом посреди тишины, а последствия этого пробуждения чуть не навлекли величайшего несчастья и на нее, и на ее добрых воспитателей, и на целую кучу людей, к ней близких. Дело было вот какого рода: в станицу привезен был, раненый и под сильным конвоем, некто эфенди Абдаллахов, горец, уличенный в разбое, бесчисленных плутовствах, шпионстве в пользу хищников, и наконец, в присылке лазутчиков с ложными сведениями. Из этого краткого исчисления деяний почтенного эфенди, видно, к какому разряду людей принадлежал достойный татарин,- и точно Абдаллахов был бездельником из бездельников, умевший самому черному, постыдному делу придавать форму особенно оригинальную и забавную, а кроме того, выгодную для одного себя.

Несколько лет проживая посреди одного не совсем покорного племени, он переносил русским сведения, довольно полезные, за что получал ежегодные пособия; не довольствуясь этим он переезжал по другим, соседним общинам, оттуда посылал в русские отряды разных лазутчиков и устраивал дело так, что получал деньги и от чужих, и от своих, получал их то на свое имя, то на имя разных эфендиев и князей. Только после долгих розысканий открылось, что Махмет Кутаев, и Абдул Шеретлусов, и Хансу Ибрагимов, получавшие время от времени русские деньги, были все трое одно и то же лицо, оказавшееся никем другим, как неутомимым на плутовства эфенди Абдалла-ховым. Вскоре после обнаружения подлога открыто было участие плута-татарина во многих набегах и, наконец, взят был он сам с оружием в руках, в шапке пойманных на деле и окруженных казаками хищников.

Такова была любопытная карьера эфенди Абдаллахова, но очень ошибся бы человек, который, основываясь на здесь прописанных подробностях назвал бы этого татарина безусловным бездельником. Бессовестный донельзя, в публичной деятельности, эфенди в частном своем быту мог быть вернейшим другом иногда, а забавнейшим, изобретательнейшим и надежным товарищем во всякое время. Из-под мошенника иногда выглядывал важный, умный, восточный человек со всеми достоинствами восточного человека. Он умел охранить своего гостя, оказывал услуги многим русским чиновникам и один раз с неминуемой опасностью жизни, выручил Мальшевского, тогда еще неопытного офицера из толпы конных горцев, в которую тот врехался, приняв ее за сотню наших линейных казаков. Понятно, что участь бывшего своего спасителя сильно тронула мягкое сердце Ипполита Петровича, и когда, наконец, полковник своими глазами увидел большого окровавленного и связанного горца, его натура не выдержала: он уприсил начальника конвоя остановиться на день в станице, чтоб дать успокоиться бедному плуту, который, невзирая на свое плачевное положение, успел уже насмешить его цветистым и наивным рассказом о своих последних проделках.

Отдохнув, поевши и, следовательно, возвратив часть своего постоянно шустрого настроения духа, эфенди Абдаллахов оказался самым милейшим татаринном свете, приземистый, нескладный, с лицом, изрубленным и прямо и вкось, и поперек, а сверх того, украшенный густою

черной бородой (редкость в безбородом или, лучше сказать, жидкобородом крае) гость Мальшевского нисколько не походил на Аммалат-Бека, но имел и в лице и во всех движениях приятность особенного рода, речи его отличались откровенностью, оригинальными оборотами и великим даром убеждения; смысл и содержание их менялись поминутно, как форма туч, в холодное осеннее утро с ветром, поощряемый расспросами Ипполита Петровича, вниманием Натальи Сергеевны и всех домочадцев (Жаннет в особенности не сводила глаз с большого), эфенди Абдаллахов занял и хозяина и гостей целый вечер, то отпуская шуточки, то с космической откровенностью рассказывая свои плутни, то передавая блистательнейшие из военных, или скорее разбойничьих подвигов своей молодости. Зная всего слов сто на русском языке, он владел этой сотней слов в совершенстве, прибавляя к ним в случае надобности, какое-нибудь уморительное им самим тут же состряпанное выражение. Видимо гордясь своим знанием русского языка, он еще более гордился пониманием наших обычаев, и в самом деле, во всей его манере не было ничего дикого, резкого и неприятного.

За ужином татарин пил вино, очень приятно подшутив по этому случаю над Магометом, чокнулся с Жаннет и объявил, что считает Ипполита Петровича своим дозом (другом) до конца дней. Потом он, прослезившись, припомнил жену, детей, изъявил раскаяние в некоторых поступках своих и сказал, что возлагает все свои надежды на благость русского государя. Должно быть, мысль о помиловании очень развеселила эфенди, потому что через минуту он уже заставлял Жаннет петь татарскую песню, а сам, для ее потехи, протанцевал несколько минут, держа на носу своем, во все время пляски, длинную соломинку - *nes plus ulega* восточного хореографического вдохновения.

Ипполит Петрович сам отвел гостя в его комнату, сказавши ему шутя: <Смотри, доз, не убегй ночью, не надуй и меня, как ты надул всех наших!> Доз, в удостоверение чистоты своей дружбы только стукнул себя изо всей силы ладонью под ложечку и простился с Ипполитом Петровичем.

А между тем план побега уже созрел в голове эфенди Абдаллахова. Верной помощницей его намерения была не кто иная, как мадемоазель Жаннет, едва успевшая перемолвить с ним в течение всего вечера 2-3 слова по-татарски. Как поладили наши новые знакомцы между собою, каким путем действовала воспитанница Мальшевских, этого некогда рассказывать,- достаточно только будет сообщить читателю, что с рассветом ворота штаб-офицерского дома отворились; эфенди прошел мимо часовых, храпевших изо всей силы. На улице, посреди утреннего сумрака встретил Жаннет с добрым конем на поводу и полным орудием в левой руке, тихо проехал к речке, и руководимый последовавшей за ним девицей, перебрался вброд по самому тому месту, которое издавна считалось непроходимым и глубоким до бесконечности. На противоположном берегу он спустил девицу Жаннет наземь, поправил винтовку за плечами и ударил доброго коня нагайкою и помчался по степи, не заботясь ни о Жаннет, ни о зорком глазе казаков, уже приметивших его с высоты своих воздушных крепостей.

Тревога, шум, беготня уже поднялись в станице. Отдаленные часовые с вала видели дерзостный переезд пленника через реку и поспешили поднять на ноги всех и каждого. Мальшевский не теряя бодрости, быстро разослал разъезды по всем направлениям, не сказал ни одного слова Жаннет, пойманной на месте преступления, и наконец, измучив себя физически и нравственно, заперся в своей комнате. Страшная тоска грызла душу доверчивого воина. Ипполит Петрович сознавал, что его вчерашний поступок достоин скорее мальчишки, чем опытного и заслуженного штаб-офицера. Все обстоятельство, предшествовавшие побегу: услуга, оказанная ему когда-то пленником, остановка конвоя, ночлег в станице, помещение плута на ночь в двух шагах от речки - словно были нарочно подобраны, чтобы навлечь на Мальшевского обиднейшее из подозрений. Конечно, ни один начальник не заподозрил бы его в умышленном пособии пленнику, но вина все-таки оставалась виною, принимая плачевнейшее значение, вследствие стечения враждебных обстоятельств. Ипполит Петрович, простодушный, как лучшие из старых воинов, готов был краснеть за себя перед женой, перед подчиненными, перед каждым егерем своей команды. Неизвестно, чем кончились бы его терзания, если б к ночи не получена была им записка от начальника конвоя. Абдаллахова поймали снова, и хотя он защищался упорно, но при взятии его не произошло никакого пролития крови.

Мадемоазель Жаннет между тем ожидала, что ее, по крайней мере расстреляют или кинут в воду, но такая перспектива не страшила ее нисколько; она не обрадовалась, не нарушила своего мрачного молчания, когда Мальшевский, обрадованный запиской, поцеловал девочку, сказавши ей два-три шуточные наставления. Мысль ее была далеко, она чувствовала себя убитою с той поры, как мошенник эфенди на том берегу неожиданно спустил ее с коня, и сказавши <прощай, моя красавица, некогда мне с тобой нянчиться!> ускакал прочь. Если б одни кавказские побуждения наполняли душу молодой Жаннет, она бы потосковала два, три дня и потом забыла обманщика,- но времена были не те: девушка умела читать, прочла два или три романа, да к тому же еще слыхала разговоры дам и девиц о любви, о женской преданности, и так далее. Дикая натура увлекла ее к израненному, оборванному, перепачканному кровью татарину, <умеющему стрелять и убивать>, а сверх того в науке мошенничества, опередившему даже своих сограждан - между тем как привитие понятия наших женщин придали этой страсти продолжительность. Целый год Жаннет только и жила, что воспоминаниями о Абдал-лахозе, потому-то опасный год прошел очень покойно. Чтобы развлечь свою воспитанницу, Наталья Сергеевна довзела ее в Тифлис, стала учить ее музыке, и в виде вознаграждения за послушный нрав, изредка позволяла исправлять самые трудные домашние работы. Во время этих последних занятий Жаннет оказывалась вполне счастливою: самый грубый труд успокаивал ее горячую кровь, а сентиментальное воспоминание о эфенди Абдаллахове делало совершенно бессильным все старания холостых офицеров и туристов завладеть сердцем красивой девушки.

III

Жаннет было уже около шестнадцати лет, когда Ипполит Петрович получил генерал-майора, и очень спокойное место в одном из самых больших торговых городов России. Грустным показалось супругам прощанье с Кавказом и кавказскими нравами, но отказываться от хорошего места было бы с их стороны чистым безумием: отдых, довольство, почет ожидали их в России; сверх того, их воспитанница, к которой они привязались будто к родной дочери, могла, спокойно окончив свое воспитание, найти себе там хорошего жениха. Оба они с стесненным сердцем покинули красивую станицу, сопровождаемые слезами и вздохами своих многочисленных друзей. Наталья Сергеевна плакала как дитя; Ипполит Петрович долго крепился, но прощаясь с казаками и солдатами, столпившимися у главных ворот, едва не утратил всего своего хладнокровия. Одна Жаннет казалась веселою как нельзя более: хлопоты, приготовления и наконец сама поездка выгнали у ней из сердца остатки ребяческой меланхолии. Мальневский прежде всех приметил перемену в характере девушки, и первый стал опасаться за последствия. <Жаннет наша повеселела, придется опять смотреть в четыре глаза за нею>, сказал он смеясь. Наталья Сергеевна улыбнулась и мысленно поблагодарила небо, что едет в страну, где ее названная дочка не встретит ни эфенди, ни беков, ни разных гаджи, с кинжалом на поясе и изрубленным лицом.

В самый день приезда Малышевских на место случилось с девицей Жаннет новое приключение, довольно пустое само по себе, но давшее обильную пищу сатирическим умам всего города. В сумерки когда наши супруги, уставшие с дороги, и после хлопот, неизбежных с первым днем приезда на новое место, оставили черкешенку одну в ее комнате, с полной свободой делать все, что ей вздумается, девушка побежала на кухню помогать прислуге переносить и переставлять привезенные вещи. Оказалось, однако, что все уже было перетасано, и люди сами покоились сном, так что Жаннет, неостанавливаемая никем, могла делать все, что ей было угодно. Сообразив весьма разумно, что Ипполит Петрович непременно потребует ужина, тогда как под плитою едва теплится несколько угольков, наша девица побежала во двор, и ухватив преисправную вязанку дров, собралась втащить ее вверх по задней лестнице. Посреди этого занятия она была усмотрена, сквозь отворенные ворота, одним из изящнейших посетителей города и его львов, недавно прибывшим из Петербурга, погостить у своего дяди, занимавшего весьма почетную, даже значительную должность.

При виде свежей, блистательно красивой девушки, в ситцевом платье с засученными рукавами, бесстрашно тащившей связку дров, которая пришла бы не по силам иному мужчине, юный джентльмен ахнул, протер глаза, и видя, что кругом все пусто и тихо, как обычно бывает в губернских городах при наступлении сумерок, проскользнул в ворота и устремился вслед за непонятным видением. Судя по вязанке дров он принял девицу Жаннет даже не за горничную, а за простую служанку из кухни, и даже почувствовал некоторое угрызение совести - но жребий был брошен и необыкновенная красота предмета извиняла проделку избалованного любимица городских красавиц. Встреча произошла с быстротой; за ней последовало несколько крайне неизысканных комплиментов, на комплименты Жаннет отвечала улыбкою, от которой бы вздрогнул всякий человек, сколько-нибудь характер юной особы, но воспламененный, отуманенный Дон-Жуан не приметил, как дико сверкнули поразившие его глаза и как стиснулись белые острые зубки девушки тотчас же после ласковой улыбки. Он пробежал еще ступеней шесть следом за оборотительным видением и дерзновенно рукой...

Уже руки ее коснулись, когда азиатская кровь пробудилась и позорное бедствие пало на голову неосторожного искателя приключения. Жаннет сбросила с плеч вязанку и сильными руками схватив своего нового обожателя, втолкнула его в грязный чулан, какие обыкновенно бывают на задних лестницах, захлопнула дверь, замкнула ее тяжелой задвижкой, и ушла в кухню, как будто бы ничего не случилось, а к ночи даже забыла об участии бедного, подвергнувшегося ее гневу юноши. Несколько часов ждал и крепился несчастный селадон, по-видимому решаясь скорее умереть, нежели призвать кого-нибудь на помощь, но к утру самолюбие укротилось - с восходом солнца кучер и кухарка, привлеченные его жалобными криками и усиленные толпою разной дворни из соседних домов, извлекли бедняка, запачканного, голодного и полузамерзшего из его неприятного заключения.

История эта, никогда неузнанная вполне и во всяком доме рассказываемая по своему, обошла весь город, уже успевший устремить полные ожидания очи на только что приехавшее семейство. Бедный Дон-Жуан умчался, не дождавись срока отпуска, потеряв несколько выгодных невест, но и на долю Мальшевских пала немалая доля пересудов; во всем крае только и говорили про Жаннет. <Видели вы знаменитую черкешенку?>, такими словами, вместо расспросов о погоде, начинались разговоры в каждом доме. Молодые люди и даже женатые старики приходили и проезжали мимо дома Мальшевских раз по пяти в день. Наталья Сергеевна была очень огорчена, но Ипполит Петрович только смеялся, и строго запрещал своей воспитаннице выходить к гостям и сидеть у окна. У него были свои планы. Через неделю назначен был первый бал в благородном собрании, и до этого торжественного дня, романтической героине предстояло оставаться совершенною невидимкою.

Наш кавказский воин и в этом деле показал свои великие практические способности: появление в городе Дженни Линд, Фанни Эльслер не произвело бы половины того томительного, жадного ожидания, с которым все многочисленное население смотрело на заветный день бала, высчитывало дни и часы, оставшиеся до той блаженной минуты, когда кончится неизвестность, и невидимая виновница бесконечных историй покажется своим согражданам. Уже ни одна девица не боялась приехать первую, ни один муж не заснул после обеда, туалеты все окончились к семи часам, и в восемь залы клуба, служившие вместе с тем и залами для балов, запружены были бесчисленными посетителями. Танцы>шли вяло, ни один картонный стол не был занят; я вот, наконец, в десять часов будто электрическая искра пробежала по членам каждого посетителя, каждой старушки, каждой дамы и девицы. Никто не уведомлял о приезде Мальшевских, но вся публика бросилась в первую залу, и остановилась, полная трепетного ожидания.

Никто не заметил Наталью Сергеевну, как ни была она мило одета, как ни привлекательно глядело ее худенькое, доброе, кроткое личико; никто не обратил внимания на Ипполита Петровича, несмотря на его красивый полувосточный наряд и папаху, которую он держал около лица, прикрывая ею свою лукавую улыбку. Впереди новоприезжей пары шла девица Жаннет, в прелестном белом платье, с белым цветком в волосах, черных как вороново крыло, густых и больших до того, что они почти оттягивали назад ее и без того гордую головку слишком привыкшую смело закидываться вверх. На ней было только одно украшение - крестик из больших бриллиантов (Наталья Сергеевна хотела торжественно показать, что ее воспитанница не магометанка); весь ансамбль наряда поражал вкусом и великою простотою. Общее внимание, изумление, которые скоро перешли в восторг, ни мало не смутили дикарки; она спокойно перенесла успех, огромность которого могла заставить потеряться всякую самую привычную к успехам женщину: сила Жаннет заключалась в ее неопытности - никогда не видя больших собраний, она подумала, что свет встречает приезд каждой девушки точно так же, как он встретил ее появление. Ни толпы кавалеров, кидавшихся к ней тотчас же по окончании каждого танца, ни толпы нетанцующих особ, помещавшихся вечно насупротив ее, ни целый хвост из мужчин и женщин, таявших за нею при каждом ее передвижении в одну из соседних комнат, ни ласки почетнейших дам, ни яростные взгляды первых красавиц, ни одобрительный шопот и слова <хороша! хороша!>, беспрестанно раздающиеся в рядах старушек, позабывших о дремоте, не смущали ее нисколько. Со всеми она говорила смело и свободно, как со своими домашними; правда, что с женщинами, особенно с девушками, она была суше в обращении. Всякому, кто желал, она сообщила подробности своей жизни в горах, потом в станице, даже двоих офицеров спросила о эфенди Абдаллахове и очень подивилась тому, что они не знают такого храброго воина. К концу вечера, каждое слово, каждая шутка, каждое наивное выражение Жаннет было рассказано, исправлено и умножено, из приписанных ей выходок можно было составить целую книгу, но общий результат, несмотря на все старания многих завистниц, был весьма удовлетворителен для ума девушки. Даже некоторая насмешливость девицы и ее врожденная неблагосклонность к нашим обычаям, высказывавшаяся в нескольких оригинальных замечках, не возбудили особенного ожесточения. <Браво, браво, моя плутовка!> говорил ей Ипполит Петрович, сидя в карете и возвращаясь домой после бала.

Но самое мадамозель Жаннет события вечера, упоительного даже для ее взрослых воспитателей, события, способные подарить иную женщину отрадными воспоминаниями на весь остаток ее жизни, подействовали весьма слабо. Главные и резкие черты характера девушки уже прочно обозначены; вся ее нравственная сторона сформировалась вполне, и все ею виденное в течение немногих дней после приезда в город только наложило на эту сторону последний лоск, одарило ее последнею, нерушимою твердостью. Жаннет не могла уже измениться ни к лучшему, ни к худшему; в ее душе инстинкты восточной женщины только что выдержали последний напор понятий женщины русской, и победа совершенная, окончательная победа, осталась на стороне первых: Жаннет суждено было остаться вечною гостью между европейцами.

Мы уже имели случай заметить неблагосклонность девушки к нашим людям, нашим нравам и понятиям - неблагосклонность эта еще была смягчена жизнью в станице, посреди тревог и боевых сцен, между людьми, веселившимися в виду опасностей, смягчена зрелищем военной деятельности, военных торжеств и военного блеска, в котором, чтобы ни говорили мирные философы, таится своего рода прелесть, своего рода высокое увлечение. Ничего подобного не было в добром, спокойном, занятом торговлею, хозяйством и веселостями города. Жаннет увидела себя в новом мире, чуждом всем ее понятиям - и мало по малу, сама не зная того, почувствовала к этому миру презрение, полное, решительное и спокойное, но неодолимое и вечное. Презрения этого ни переложить, ни переиначить было невозможно, оно едва было сознано, оно заключалось не в насмешках, не в грусти, не в досаде, а в инерции истинно восточной, с которой совладать оказалось бы делом, более чем невозможным.

Ко всему, решительно ко всему виденному и слышанному ею в новом месте своего жительства, девица Жаннет чувствовала отвращение, смешанное с некоторой жалостью. Эти веселости, неоживленные близостью постоянной опасности, приключения, чуждые блеску и эффекту, нравы, неоживленные дикими проблесками энергии, казались ей утомительно вялы. Женщины, занятые нарядами и несмыслящие ничего в жалком деле хозяйства, старики, неукрашенные ранами, юноши, в обтянутых фраках с лорнетками, болтавшимися на том самом месте, где у истинного мужчины должно быть привешено драгоценное оружие, не интересовали азиатку нисколько. На играющих в карты она смотрела как на ребятишек, занятых куклою. Даже на мелочи она простирала свою скрытую, неумолимую нетерпимость - в ее комнате не было ни одной

блестящей безделушки, с наемной прислугой она не говорила ни одного слова, за всякой надобностью обращалась или к безрукому денщику Ипполита Петровича, или к Осетинке, ходившей за Натальей Сергеевной.

Презрение к людям, особенно если оно происходит не от необузданной гордости, а от радикальной разницы наших понятий с их понятиями - есть страсть своего рода. Будь Жаннет мужчиной, она убежала бы куда-нибудь на восток, и поклялась бы вечной враждой ко всему, что только носит печать тихой, оседлой европейской жизни. Даже и теперь, воспитанная Малышевскими, рабски привязанная к своим благодетелям, имея шестнадцать лет, красоту и девическое сердце, азиатка, повинувшись по временам своей крови, бегавшей как огонь около ее сердца, предавалась странным и диким мечтаньям. В бессонную ночь, после бала и докучливых любезностей танцоров, воображение ее скликало вокруг себя все, что только было ею видно на Кавказе, близ гор: отважного и неустрашимого эфенди Абдаллахова и седых русских генералов, жителей разбойничьего аула и бесстрашных гребенских казаков, егерей в длинных сапогах, и офицеров, знаменитых презрением всякой опасности, и населяло ими смиренный город. Во всех этих грезах не было ничего систематического и заранее придуманного: они сплетались без зова и отлетали невзначай, оставляя после себя прежнюю холодность ко всему тихому, спокойному и европейскому.

Дамы и девицы города первые поняли, что им никогда не сойтись с девушкой, приковавшей к себе их внимание, и потому, продолжая ласкать Жаннет, они постоянно держались от нее в почтительном отдалении. Но неразумные мужчины, и молодые и старые, и бедные и богатые, и гордые и смиренные, льнули к ней, как мухи. Почти всякий день, который-нибудь из почетнейших женихов края, включая в то число молодежь, часто приезжавшую из обеих столиц, являлся в дом Малышевских, предлагал свою руку, и отъезжал прочь с сокрушенным сердцем. Один весьма значительный человек, каждое лето приезжавший из Петербурга в свои имения близ, даже пропустил срок отпуска, ухаживая за воспитанницей Ипполита Петровича; но чем сильнее были его домогательства, тем больше отвращения чувствовала Жаннет к человеку, который, не отличаясь ничем от других жителей города, неизвестно из каких причин поднимает нос и думает, что всякая женщина должна гордиться его вниманием. К осени, наша приятельница, убежденная доводами своего воспитателя, избрала себе женихом доброго человека средних лет, и принимала от него подарки не без удовольствия; но когда пришло время назначить срок свадьбы, Жаннет уловила первый предлог, чтобы рассориться с бедным господином и отнять у него все надежды. Правда, когда пришлось отсылать назад подарки, азиатка немного поплакала, но нет сомнения, что причиной слез были подарки, а не сама персона ее бывшего жениха, человека, как мы уже сказали, весьма дельного и достойного.

IV

Прошло еще несколько месяцев, в продолжение которых дела Ипполита Петровича пошли еще лучше прежнего: жена его получила неожиданное наследство; дом их стал едва ли не самым богатым в городе, а с тем вместе всегдешнее радушие и гостеприимство хозяев удвоилось. Вместе с известием о наследстве, Ипполит Петрович получил с Кавказа письмо, в котором его уведомили, что один из его старых друзей и вернейших товарищей боевой жизни, потерявший жену перед отъездом генерала из станицы, убит во время экспедиции, и единственный его сынишка, мальчик лет трех, остался на руках семейства чужого и неимевшего средств дать ему воспитание. Поговорив с женою, Малышевский, не теряя времени, отправил к надежнейшему из своих кавказских приятелей дружескую эпистолю, прося его немедленно послать за сиротой, сыном его покойного друга, и препроводить его в Россию, в город, с каким-нибудь хорошим дядькою.

Подобного рода поручения быстро исполняются в крае, где обычай пособлять друг другу во всех случаях жизни держится во всей силе: не прошло двух месяцев, как малютка, завернутый в шубу, явился в город, иод прикрытием гребенского урядника Матвея Пашина, имевшего случай, года четыре тому назад, в глазах Ипполита Петровича, оказать подвиг неописанной храбрости, и в тот же день испортить весь плод своего дела, прибавив до полусмерти двух своих приятелей, вероятно, вследствие радости после победы. Только заступничество Малышевского, соединенное с просьбами самих побитых, спасло от наказания казачину, который, нужно прибавить к его чести, ни на минуту не забывал оказанной ему услуги. Свидание генерала и урядника было самое радостное: убедившись, что Пашин с той самой минуты, как ему поручен был ребенок, вел себя примерным образом (обстоятельство, доказываемое здоровым и приличным видом дитяти), Ипполит Петрович рассцеловал казака, дал ему позволение пить и гулять в волю, а потом, позвав Жаннет и Наталью Сергеевну, представил имя своего сослуживца. Пашин, не сконфузясь нимало, сделал обоим по порядочному поклону, отвечал на их приветствия без запинки, и как человек, знавший где раки зимуют, сделал все нужное для снискания расположения хозяйки. Потом Малышевский сообщил жене историю о том, как Матвей в его глазах, подобно Горацио Коклесу, один защищал целый мост, стоя за убитой лошадей, и как он опозорил свои свежие лавры дракой с писарями; за рассказом последовали расспросы о теперешних делах, и казак должен был передать своим слогом события последней экспедиции, - илиады Кавказского края, полной славы, поэмы, которой не достает только Гомера, чтоб повергнуть всю современную Европу в восторженное удивление.

Впечатление, произведенное прибытием Пашина на сердце всех горничных дома и даже соседних домов, и даже горничных всего города не может быть передано словами; молодой, ловкий, по стройности и чертам смуглого лица совершенно похожий на цыгана, сильный до того, что изогнуть пятак или подкову было ему нипочем, выдавший на своем веку и смешные и страшные вещи, умевший хорошо рассказывать про край, <где вашу братью, девчонок, татары продают как баранину>, наш казачина послужил живою причиной бесчисленных страстей и раздоров в мире сентиментальных субреток и чичисбеев. На второй день приезда, толпа завистников, соединясь в одно стройное целое, собралась было под видом борьбы в шутку порядком прочувствовать приезде выскочку, но сама претерпела потасовку, неслыханную в летописях города. За исключением этих недостатков, Пашина все полюбили: он умел при случае работать за десятиных, ставил ребром последнюю копейку, выучил молодых парней чудесным песням, и пробовал было устраивать за заставой кулачные бои, разделил сподвижников на две партии, грузин и казаков, но к сожалению, каждая партия, если в ней не было Матвея, помня недавнее побоище, только пятилась от наступавшего казака, получившего уже от всех и каждого в городе лестное прозвание Еруслана Лазарича.

До Малышевского дошли кое-какие жалобы, и кроме того он сам приметил, что гулянье и все вышеописанные забавы не удовлетворяли его гостя, видимо начинавшего скучать о своей родине и своих товарищах. Чтоб сколько-нибудь отвлечь Пашина от праздности, генерал поручил ему выезжать лошадей, только что им купленных, между которыми одна назначалась под верх. Случилось так, что площадка, на которой казаку пришлось выказывать свое искусство, находилась прямо под окнами Жаннетинной комнаты.

На следующий день, вставши с солнцем, милая азиатка услышала в двух шагах храпенье лошади, и привлеченная этим всегда любезным для нее звуком, подошла к окну, из скромности чуть-чуть только отогнув уголок шторы. Прямо перед ее глазами совершалась сцена, на которую даже холодная женщина трудно глядеть равнодушно. Пашин находился в решительном бою с огромным вороним жеребцом, может быть в первый раз почувствовавшим на своей спине тяжесть упрямого человека. Приученный к кавказской выезде и маленьким горским лошадам, урядник не желал или не умел пустить в дело хитрость, а весь разгоряченный, пробовал сокрушить силу силою. Несколько раз, в течение пяти минут, могучий и бешеный конь уносил с собою всадника на край лужайки; несколько раз становился он на дыбы, взмахивал задними ногами и несколько раз, остановленный железною рукою седока, сгибался книзу, так что хвост его стлался по полу. Никакой кавалерист в блестящем наряде, никакой спортсмен в своей безобразной фуражке не мог сравниться по своей красоте и смелости езды с цыганом Пашиним, вполне отдавшимся борьбе, обещавшей тянуться без конца, при неслыханном упрямястве с каждой стороны. Казак был без шапки, бешмет расстегнулся на высокой груди, на нижней части лица его, бледного от злости, резко обозначились две черные линии густых усов, свесившихся книзу; правая рука гнула как сталь; разгоревшиеся глаза его изъясляли решимость не сойти с коня, не сокрушив его сопротивления. В свою очередь, и

Жаннет находилась вся в огне; лицо ее, всегда бледное, несмотря на свою полноту, горело как зарница; ей было тяжело дышать; не помышляя о своем ночном костюме, она отворила окно и перегнулась вперед... хорошо, что Пашин не примечал своей зрительницы. Наконец, через полчаса, после усилий, превышавших все, что только может сделать человек самого атлетического сложения, победа осталась на стороне Пашина: вороной конь, в последний раз попытавшийся было сбросить всадника, посреди скаку остановился как вкопанный, и пригнетенный опять непобедимой рукою, совершенно присел на задние ноги. Что делалось с девушкой в эту торжественную минуту, конечно, не расскажет ни один сочинитель; довольно будет сообщить, что Жаннет находилась словно в горячке. Не зная сама, что делает, она стиснула в дрожащей руке букет, стоявший близ окна, и, руководимая дивным инстинктом, не глядя на него, выхватила из связи атласный цветок розовой мальвы, растения, которые растут у нас в садах и покрывают своими цветами, словно искрами розовых огней, цветущие степи верхнего Кавказа. Цветок этот она подержала у своих губ, будто говоря ему что-то и когда Пашин, все незамечавший ее, гордо откинулся на седло, и покачиваясь, медленной рысцой поехал вдоль стены - кинула свой подарок прямо на седло восхитившего ее витязя. В то же мгновение Жаннет оторвалась от окна и бросилась на постель, вся дрожа и закрывая лицо руками.

Матвей Пашин, как читатель, вероятно, предполагает, сокрушил на своем веку много женских сердец, и целый дождь цветов не смутил бы его нисколько; но когда знакомый розовый цветок, украшающий собой родные степи его края, упал почти в его руку, он вздрогнул, и память о далекой родине подарила его сладкой минутой. Не один подобный цветок случалось ему получить или вырывать на Кавказе от чужих девушек, но кто мог ему бросить его здесь? Он поглядел на окна - окна принадлежали комнатам Жаннет и Натальи Сергеевны; тут наш казак засмеялся, вспомнив про Осетинку, горничную обеих, женщину лет тридцати пяти, стало быть, порядочную старуху по его понятиям. Как нарочно, сказанная особа в эту минуту пробиралась

по закраине двора в кладовую. С громким смехом подсакал к ней красивый всадник. <Здравствуй, бабушка!> закричал Пашин самым ласковым голосом. <Ах ты шутиха>, продолжал он, переменяя тон и продолжая смеяться так, что лошадь подпрыгивала, пугаясь и фыркая: <ах ты татарское чучело, вот я тебе пришлю из гор грузина с носом в твою выщипанную косу. Так это ты ловишь молодцов на красную удочку?> и он показал ей цветок, успевший уже свернуться как осенний лист в его богатырской руке.

При первых словах, Осетинка обиделась и принялась клясться, что она в первый раз видит Матвея за все утро, но приметив обличительный подарок, вскрикнула от изумления: букет таких цветов стоял в спальне у ее барышни. Вскрикнув еще раз, она вырвала цветок, и притянув к себе казака, шепнула ему несколько слов на ухо. Затем она ушла своей дорогой, а Пашин шажком поехал в конюшню, тихо крутя ус и задумчиво наклонив голову.

Когда поднялись все домашние, урядник явился в парадные комнаты, чтоб доложить генералу о успехе выезда вороного; только на Пашине надета была новая коричневая черкеска, и сам он украшен всем своим оружием. Пока он дожидался генерала, Жаннет оставила свою комнату и подошла к нему, бледная, но спокойная.

- Умеешь ты, Пашин, спросила она ласково: - умеешь ты говорить по-татарски?

- Умею, барышня молодая, отвечал казачина, кланяясь: - умею, Анна Александровна (так называли Жаннет все домашние), мать моя родом из Дагестана.

У русского казака хорошо оружие, Пашин, опять сказала Жаннет: - покажи мне свое оружие, Пашин.

Казак достал из-за спины пистолет, отвязал шашку; девушка сама, дрожащими руками, отстегнула кинжал и вынула его из ножен. Оружие было все в серебре, на кинжале имелись порядочные зазубрины; они приковали к себе все внимание девицы. Матвей принялся было по этому случаю рассказывать целую историю о том, как кинжал ему достался и где его привелось зазубрить, но поток его красноречия прервался быстрым, хотя отчасти ожидаемым движением со стороны Жаннет: гибкие руки обхватили шею Пашина и десятки огненных поцелуев посыпались на его смуглые щеки.

- Есть у тебя жена, Пашин? поминутно спрашивала она, то и дело, что прерывая свои вопросы новыми ласками, не дожидаясь ответа и не выпуская из объятий казака, приведенного в восторг смелым и так для него понятным поступком черноглазой шалуньи.

Две мысли прежде всего мелькнули в бойкой голове урядника: во-первых, мысль о том, что Жаннет, как татарка, была все таки ему вполне равна, а во-вторых, расчет о выгодах, которые принесет ему все дело, если его повести разумно. Но к чести Пашина, нужно сказать; что подобные умозрения, плод от природы хитрой и по крови хитрой природы, были тотчас же сбиты, потоплены приливом истинной страсти. Он уже любил Жаннет как девушку и красавицу; несмотря на все искушение, в его любви не было даже частички того грустного самолюбия, которое позорит собой наши страсти и заставляет нас, европейски развитых людей, гоняться за женщинами, высшими нас по общественному положению, - во вред чувства и, как часто, во вред самим понятиям о красоте! Без ужимок, без натянутости; Пашин, едва опомнившись от понятного смущения, перестал говорить с Жаннет как с барышней, а прямо отнесся к ней как к казачке и любимой невесте. Надежды его были очень малы, но это не мешало ему видеть в Жаннете предмет своей привязанности, счастливой, или несчастной, про то уже Бог один знает. Взаимные объяснения влюбленных не отличались нежностью фраз, а скорее дышали особенного рода лаконизмом.

- Ведь на тебе иной генерал женится, заметил Пашин.

- Не хочу я и глядеть на генерала, возразила на это Жаннет.

- И дельно, моя красавица, с казаком жить будет привольнее.

- Я убегу с тобой, продолжала девица. - Отчего же и не убежать, резонно замечал Пашин: - посердятся да и перестанут; слава Богу, Матвей Пашин не лыком шит.

Очень вероятно, что казак и черкешенка, по натуре своей неспособные откладывать дело в долгий ящик, убежали бы в тот самый день и тем навлекли бы на себя вечную беду или, по крайней мере, оскорбили двух достойнейших людей в лице Жаннетиных воспитателей, - но к счастью Пашин имел в голове ума за себя и за Жаннет, которая, раз высказав все, что хотела, могла только ходить по дому как охмелевшая, без мысли и

речей. Урядник знал очень хорошо, что в настоящем положении его отлучка будет иметь совершенный вид побега, одного из главных военных преступлений; сверх того, его сердце лежало к

Ипполиту Петровичу. Больших трудов стоило ему заставить Жаннету думать по своему; при втором свидании в саду, он даже на нее прикрикнул порядком. Как бы то ни было, к ночи Ипполит Петрович должен был дать каждому из любовников по аудиенции, из которых на первой Пашин просил отпустить его на Кавказ, чтоб сложить там свою голову,- а на второй девица Жаннет изъявила желание выйти замуж за урядника Матвея Пашина.

Гнев Мальшевского, как гнев всех истинно добрых людей, казался ужасным и несокрушимым. Мадмоазель Жаннет заперта в темную комнату, Осетинка награждена толчками, прислуга запугана, Наталья Сергеевна выдержала сцену, одну из самых горестных во всей ее жизни. Но ясное понимание сущности дела не оставило и тут Ипполита Петровича; посреди самых пламенных порывов, его взгляд на вещи резко отличался от неправильного взгляда Натальи Сергеевны, терявшейся посреди катастрофы.

- Все кончено, говорил Малыпевский: - все наши планы рушились, все наши заботы не привели ни к чему.- Она забудет Пашина, возражала жена.

- Забудет? кричал генерал: - прикажи Пашину забыть как ездят на лошади!

- Мы приищем ей поскорее красивого жениха, заметила Наталья Сергеевна.

- Кончено с женихами, отрывисто произнес Малыпевский: - готовься хоронить твою Жаннету, или везти ее в желтый дом. Все пропало, все кончено,- ее сломишь, а уж не согнешь в нашу сторону!

Предсказание разгневанного воспитателя начало сбываться с замечательною быстротою: все сутки Жаннет ничего не ела и лежала на полу ничком, опершись на локти. Когда к ней принесли кушанье, она приподняла голову и спокойно объявила, что не съест ни кусочка, пока этот кусок не будет ей принесен казаком Пашиним. Долго крепились Малыпевские, но переупрямить это олицетворенное упрямство в образе азиатской девушки оказывалось делом невозможным. Супруги сами вошли в место заключения, с бульоном и другими припасами: Жаннет лежала на полу ничком, в прежнем положении; она оттолкнула чашку и хотела что-то сказать, но язык у ней будто отнялся. Наталья Сергеевна с криком бросилась к ней. Руки девушки были горячи как раскаленное железо; ее отнесли на постель в беспмятстве, и наутро сильная нервная горячка, развитая истощением сил, голодом, а пуще всего сосредоточенными страстями, гневом и любовью, открылась у Жаннет и повергнула ее воспитателей в немое отчаяние.

Пашин явился бледный, но непотерявший своего достоинства; по-прежнему поклонился хозяевам и попросил Мальшевского отпустить его в станицу, чтобы сложить голову в бою с татарами. Куда ни обращался Ипполит Петрович, или беды, или несокрушимое упрямство встречали его отвсюду. Жаннет не выходила из опасности и Пашину позволено было входить в ее комнату, в редкие минуты, когда девушка приходила в себя. Весь город пустился сочинять истории и сплетничать, но Малыпевскому было мало дела до пересудов города. Он не спал ночей, думал, гадал и раскидывал умом, а между тем казак и черкешенка начали уже переговариваться по татарски; их встречи допускались самой Натальей Сергеевной. Чуть Пашина усылали куда-нибудь, Жаннет начинала рваться, бить склянки с лекарствами и не брать в рот никакого кушанья.

Что оставалось делать Ипполиту Петровичу, от природы неспособному на продолжительный гнев и сохранившему всю драгоценную юношескую мягкость сердца при виде чужого страдания? Будь еще Жаннет его дочь, он нашел бы в долге родителя и гражданина силу, нужную на то, чтобы поддержать нерушимость общественных законов, и, может быть, погубил бы девушку, не отклоняясь от своей решимости, но Жаннет все таки считалась Татаркою, и он не мог вводить ее насильно в мир европейских понятий; да наконец и Матвей Пашин был храбрый урядник с Георгиевским крестом, смелый детина, которому только недоставало смирения, чтобы выйти из простого сословия. Пока Малыневский думал таким образом, мадмоазель Жаннет еще более смягчила его сердце. своей новой, простодушной выходкой, сильно подействовавшей на его душу. Воспользовавшись первым днем облегчения, азиатка собрала все свои новые платья и вещи, ей подаренные с самого ее плена, завязала их в большой узел, а сама одевшись в белый балахон, выпрошенный у знакомой нам осетинки, явилась к супругам, поцеловала руку у Натальи Сергеевны и ее мужа, положила перед ними узел с нарядами и собралась что-то сказать, но залилась слезами и едва не упала. При виде бледного, истомленного личика Жаннет и ее слабости, генерал увидел, что все кончено: прослезившись сам, он поднял дикарку, посадил ее к себе на колени и с той же почтой отправил на Кавказ письмо, в котором

требовал подробнейших сведений о службе, характере и будущей служебной перспективе урядника Матвея Пашина.

Ответ, полученный Ипполитом Петровичем, мог назваться весьма удовлетворительным, хотя в нем не было ничего нового: Пашин считался первым храбрецом во всем знаменитом полку, но он же едва ли не мог претендовать на титул первого буяна между своими довольно неукротимыми сослуживцами. До искоренения этого недостатка, о повышении нечего было и думать. По семейной же жизни наш казачина был известен с хорошей стороны: он кормил свою слепую старуху-мать и не давал баловаться сестрам, задавая им добрую баню всякий раз, когда девушки начинали увлекаться.

Сведения были собраны, время проходило, уряднику отведена комнатка недалеко от кабинета Ипполита Петровича; городские сплетницы получили самую богатую пищу для обыденного разговора; Жаннет похорошела и успела уже столкнуть с лестницы горничную, которой Пашин вздумал было сказать несколько шуток (обстоятельство, доказавшее возвращение физических сил к девушке). Наталья Сергеевна начала мириться с мыслью о потере Жаннет и читать казаку лекции о пользе спокойствия на службе и в семейной жизни, а Мальшевский все еще не давал своей воспитанице решительного позволения на вступление в брак. Напрасно сознавался он в душе, что поведение Пашина за все эти месяцы могло назваться примерным, что дальнейшая отсрочка замучит Жаннет, снова качавшую бледнеть и не спать ночью; напрасно воображение рисовало ему картины идиллической жизни в станице,- у него не было сил сказать решительное слово, имеющее разом отторгнуть любимое дитя от всех выгод, удобств и радостей европейской, образованной жизни. Он знал; что не следует медлить, и медлить; заставляя страдать себя и других. Наконец судьба жалилась над казаком и черкешенкою.

В мае 184* года, в смиренном, но любопытном городе, которому уже начинала надоедать одна и та же история про Жаннет и опять про Жаннет, остановился проездом генерал Н. Приезд ветерана был истинным даром Провидения для Мальшевского, начавшего свою службу на Кавказе на глазах у старого генерала, до сих пор знакомого каждому солдату, каждому казаку и каждому горцу, не только по фамилии, но даже по имени и отчеству. Никогда древний грек не отправлялся в Дельфы, допрашивать оракул Аполлона, полный того восторженного чувства, с которым добрый

Ипполит Петрович, одевшись в полную форму, кинулся разрешать волнующие его сомнения к дому губернатора, где пристал его бывший благодетель, его драгоценный наставник в боевом деле. Оба кавказца встретились как отец с любимым сыном, и обнявшись уселись рядом и унесли душою далеко от света, к незабвенным снеговым горам и цветущим долинам, к бесстрашным ратникам и суровым племенам седого Кавказа. Они вспомнили бои на скалах и под скалами, ночлеги в степях, испещренных цветами как персидские ковры, ночные пиры, украшенные декорацией, которую только одна природа может представлять веселящемуся человеку, и победы и неудачи, и смерти, на которых старый генерал выкрикивал по имени любимых его ратников, приветствовал каждого бойким словом, от которого кровь бегала в жилах и восторг охватывал душу подчиненного. Оба воина забылись в беседе, все настоящее их не занимало уже нисколько; многочисленные посетители отпущены были наскоро и не ранее как при наступлении вечера, Ипполит Петрович вспомнил о своих семейных делах. Бывший начальник со вниманием выслушал историю Жаннет, улыбнулся, когда дошла речь до ее любви к Пашину, и только спросил: из какого аула была взята девушка?

Мальшевский ответил, припоминая, что знаменитый его хозяин до сих пор знал каждое селение, каждую горку и каждую станицу на всем широком Кавказе. Услышав название аула, старый генерал засмеялся и сказал,- забывая свою азиатку, не бывать ей за русским чиновником.

- Слушай, продолжал он, поясняя свой ответ: я знаю край, где родилась девушка, знал и отца Паншна: славный казак, и тоже был женат на черкешенке. Партия хоть куда: чтобы не болтали много, я буду посаженным отцом, а ты изволь теперь же прислать мне своего казачину.

Мальшевский воротился домой с спокойствием и радостью в сердце; в доме застал он гвалт и тревогу. Жаннет, которую кто-то, шутя, поддразнил, говоря, что Пашин заглядывается на соседку, какую-то красную и толстую купчиху, успела уже, вооружившись маленьким кинжалом, подарком Матвея, наделать шума за десятерых и едва не сгубить невинную, но толстую жертву, безмятежно проходившую вдоль по улице. Не обращая внимания на новое дело своей вспыльчивой воспитанницы, Ипполит Петрович объявил о свадьбе, о намерении генерала Н. благословить новобрачных, и весело толкнув Пашина, приказал ему сейчас же бежать к дорогому гостю. Как ни обрадовался урядник

то случаю счастливой развязки дела, но мысль что ему через минуту доведется увидеть того человека, о котором даже маленькие девчонки родной его станицы толкуют по ночам, на супрядках, взяла верх над всеми изливаниями восхищения. Не слушая Жаннет, не отвечая на ее пламенные, даже иступленные ласки, он кинулся в свою комнатку, надел свой блистательный наряд и гордо отправился на улицу. Ветеран ласково встретил Патина, осведомился о его родителях, а потом исправно выбранил урядника за буйный нрав и буйную повадку драться со своими. Резкая и сжатая речь генерала во многом подействовала лучше всех нотаций кроткой Натальи Сергеевны, и долго потом счастливый обладатель Жаннет, всякий раз, как у него зудели руки на биваке или на празднике в станице, вспоминал энергическое увещевание.

Свадьба совершилась через три дня, при бесчисленном собрании народа. Мадмуазель Жаннет простилась с европейским светом так же блистательно, как в него вступила. Все зрители хранили почтительное молчание; сердца молодежи рвались и обливались кровью: в своем белом подвенечном платье, невеста была ослепительно хороша. Через шесть лет после свадьбы, у Пашина и супруги его, постоянно проживавших в станице, было уже семеро детей, пять мальчиков и две девочки.

Проездом через Ставрополь, я имел случай познакомиться с казаком Пашиным и видеть двух девочек, его дочерей, привезенных им туда для отправления, по условию, в семейство Ипполита Петровича; обе девочки красивы до чрезвычайности. Сам Пашин далеко продвинулся на пути славы.

<http://adygeya-republic.info/adyghe-culture/cherkeshenki/madmuazel-zhannet/>